

АЛЕКСАНДР
АРХИПОВ

БОГ С НАМИ,

РА
ТА
ТЬ
Я
!

Александр Архипов
Бог с нами, братья!

«Логос»

2019

УДК 82-311.6
ББК 84(2)6

Архипов А.

Бог с нами, братья! / А. Архипов — «Логос», 2019

ISBN 978-5-907078-76-5

Отгремели разноцветные салюты и фейерверки Московской Олимпиады. Улетел, обливаясь слезами, непонятого пола медведь. Отрыдал с прощальной песней товарищ Лещенко. Села подсчитывать дивиденды московская фарца. В столицу нашей Родины начали потихоньку возвращаться проститутки и уголовные элементы. Страна расслабилась. Напряглись только те, кому приказали. Есть такие граждане. С погонами на плечах. У них другие салюты, другие медали. Другие победы и поражения. Другие песни Саши Розенбаума. АФГАН! В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 82-311.6

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-907078-76-5

© Архипов А., 2019

© Логос, 2019

Содержание

Прапорщик Хрущёв Али Иванович	6
Представление	6
Понедельник или выговор	10
Ждать или догонять?	12
Чужая разведка	15
«Добро пожаловать» в террариум	19
Надо было сразу	20
Сюрпризы. Ишаки и трофеи	22
Хорошо то, что хорошо кончается	25
Афганский камень на душе	26
Успеть до заката	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Александр Архипов

Бог с нами, братья!

© Архипов А., текст, 2019

© Издательский центр «Логос», 2019

* * *

Прапорщик Хрущёв Али Иванович

Представление

Кто-то тихонько поскрёбся в дверь. Мерзко скрипнули ржавые петли, вынимая душу и разгоняя тяжёлый сон. «Дежурный, я же по-человечески...», – вяло подумал мозг. Посмотрел на часы. Три часа сна за двое суток. Маловато. В щель между дверью и косяком протиснулась плоская мордочка в зелёной фуражке. Рот и нос были. Глаз не было. Вернее, там, где они должны были быть, было два тире, как в азбуке Морзе.

– Можно? – шмыгнув носом, спросила мордочка в зелёной фуражке, делая ударение на последнюю гласную, и в комнату самостоятельно шагнул, начищенный до глянца, яловый сапог.

– Можно козу на возу! – рывкнул я, не прицельно бросая в сторону двери стоптанный кроссовок славной фирмы «Адидас».

Взвизгнув, дверь резко захлопнулась, спасая нечаянного нарушителя от ярости не выпавшегося майора. Двух минут хватило, чтобы одеться, кое-как поелозить колючей щёткой по пока ещё своим зубам и плеснуть на мятую после сна физиономию пару кружек воды. Берцы не одевал, носков хватит. Под столом не видно. За дверью послышался приглушённый разговор и топанье. «А вот и служба очнулась», – понял я, уже два раза в мыслях линчевая дежурного по команде. Дверь резко открылась, пропуская вперёд левую руку, с повязанной на неё затёртой красной повязкой, на которой белым по красному серьёзным тоном было написано «Деж.». Коридорное эхо доносило до меня какой-то хрип. Я так понимаю, что правая рука дежурного прапорщика, там за дверью, держала за горло нарушителя. В мой спальне-кабинет заглянула встревоженная, лысая голова Красного (позывной) и, что-то зло сказав за дверь, попыталась объяснить свой промах:

– На минутку в туалет, тыщ командир... Сижу, а тут слышу... топ-топ... Просочился. Виноват, Васильич! Выкинуть?

– Я те выкину... Военный! Военный, заходи! – почти ласково позвал я, миролюбиво показав кулак дежурному, – да пусти ты его! Кто там ещё?

Чёртова дверь дёрнулась и вместе с визгом петель в кабинет-спальню протопал слегка помятый военный, в насаженной по самые уши зелёной фуражке. Видно, пытался сопротивляться. Шея красная и носом шмыгает. По форме – пограничник, по званию – прапорщик. До среднего роста ему не хватало сантиметров десять. Зелёная фуражка, державшаяся на ушах, смешно дёргалась в такт грохота каблуков о деревянный пол. Правая рука резко дёрнулась вверх, отдавая честь, чуть не сбив с ушей головной убор.

– Товарищ... – захлопали глаза-амбразулки. Ну, то есть, как, захлопали... Скорее, прищурились ещё сильнее.

А погончиков то у меня и нетути! Я ведь выходной сегодня, отсыпаться должен, согласно распоряжению начштаба. Сижу весь такой по-домашнему, в тельняшечке, а к тельняшкам погоны то и не пристёгивают.

– Майор, – подсказал я пограничному прапору, с интересом разглядывая занятого посетителя.

– Товарищ майор, – почему-то радостным голосом заголосил пограничник, представляясь, – прапорщик Хрущёв. Прикомандирован в ваше подразделение в качестве переводчика.

Ах, вот где собака порылась! Ну, слава те! Сподобилось начальство. Три месяца просил, три месяца обещали и вот... награда за упорство. Зелёная такая, узкоглазая награда!

– Отлично, прапорщик! Ты даже не представляешь, как мы тебя ждали, – выскочил я к пограничнику, забыв, что на мне одни носки, – как фамилия, говоришь?

– Дари практически родной, с пушту тоже проблем не будет. Соседи туркмены дома были так, что и с этим разберёмся. А фамилия обычная – Хрущёв, – повышая ставки, «выдавал на гора» прапорщик, поспешно поправляя слегка помятую злым дежурным форму.

– Здорово, товарищ прапор, здорово! А то прихватишь басмача, задаешь ему вопросы, поначалу ласково, а он молчит или лопочет почём зря. А, если не понимаешь, то и подозревать начинаешь. Улавливаешь ситуацию, прапор? Не вежливо и обидно, однако. Как стрелковая подготовка? Где служил? – радуясь хорошему началу дня, спросил я.

– Срочную на афганской границе в погранотряде в столовой. Потом школа прапорщиков и вернулся в свой отряд. Взвод обеспечения... подсобное хозяйство, – как-то без гордости сказал военный, – стрелял из АК-74 и ПМ. Раза три или четыре...

– Мусульманин? – как-то сам возник вопрос.

– Никак нет, – ответил Али Иванович, немного смутившись.

– Православный значит? – решил я добить вопрос вероисповедания до логического конца.

– Нет, атеист я, – опустив голову, ответил прапорщик. Потом подумал и тихо добавил: – Комсомолец я.

– Дежурный! – открыв дверь, крикнул я в коридор, – Боцмана ко мне! Мухой!

Видно, муха была тренированной или реактивной: потому, что не успел я зашнуровать второй берц, как, чуть не выломав мою визгливую дверь, ввалился Боцман. Или по штатному расписанию – старший прапорщик Боцаев.

– Тыщ командир, по-вашему... – прогундосил Боцман, тяжёлым взглядом, сверху вниз, сканируя пограничника.

– Что по-вашему? – поинтересовался я, ещё имея запас хорошего настроения.

– Приказанию по-вашему? – удивлённо переспросила эта гадина, заставив меня пожалеть о своём первом вопросе.

– Ещё раз, как ваша фамилия, товарищ прапорщик? – переспросил я пограничника специально для Боцмана.

– Хрущёв, товарищ майор, – ответил тот.

– Да, ладно! Родственник что ли? – продолжал тупить Боцман.

– Нет. Так бывает, однофамильцы, – спокойно ответил пограничник, видно привыкший к такого рода «умным» вопросам.

– А зовут случайно не...

– Али Иванович меня зовут, товарищ старший прапорщик, – перебил Боцмана Хрущёв.

– Гонишь? – грозно цыкнул железной фиксой Григорий, угрожающе сунув руки в карманы.

– Отставить. Старший прапорщик Боцаев, слушайте мою команду. Прапорщик Хрущёв поступает в ваше распоряжение. Заниматься будете только им. Для начала переоденешь Хрущёва, получите в оружейке личное оружие, проведешь инструктаж и всё, что положено. Упражнения по стрельбе из личного оружия каждый день, на полигон я позвоню. Тактика, скрытое передвижение, маскировка... Короче, всё как учили. Через неделю зачёты. Лично я принимать буду.

– Товарищ майор, разрешите вопрос Хрущёву? – попробовал перейти на уставные отношения Боцман.

– Давай! – махнул рукой я.

– Слышь, Хрущёв, – начал ехидно Боцман, пытаясь заглянуть в щёлочки глаз прапорщика, – а как ты прицеливаться будешь? Ты ж если прищуришься, вообще ни хрена не увидишь!

– Отставить Боцман! Гриша, смотри! Без своих этих... я тебя знаю. И ты меня знаешь! Знаешь? – поугрожал я на всякий случай.

– Да, знаю, знаю, – буркнул Боцман, – разрешите, Александр Васильич? – развернулся на выход старший прапорщик.

– Вперёд! – повысил я голос, желая быстрее избавиться от порядком надоевшей толпы прапорщиков, заполнивших всё свободное пространство моего «штаба», – Вам туда! – ткнул пальцем в дверь, указав, на всякий случай, направление движения.

– Есть вперёд! За мной, мой зелёный друг, Чингачгук, – гоготнул Боцман, пиная коленом, взвизгнувшую от возмущения дверь.

Зазвонил телефон. Решил поинтересоваться моим глубоким сном начальник разведки бригады, мой приятель – Вадик Белкин. Сейчас, сволочь, спросит, типа: «Не разбудил?» Как будто, можно разговаривать по телефону не просыпаясь!

– Здорова, Гвоздик! (Гвоздь – мой позывной). Не разбудил? Я тебе прапора одного направил. Как просил, переводчик. Полиглот, я бы даже сказал. Правда не профи, но божится, что практически все местные диалекты знает. Кстати, доброволец. Пограничник, между прочим. Сам рапорт в Афган написал, – набиваясь на благодарность в осязательно материальном выражении, вещал Белый.

– Ага! Ты ещё скажи – по комсомольской путёвке! Он уже был у меня, отдал его Боцману в обучение. Нам бы успеть за неделю его хоть чуток поднатаскать. Чувствую – сырой совсем. Слышь, Белый, а чего это такой за прикол с фамилией? В Киргизии свои кончились, на русские перешли?

– Нет, Гвоздь, не киргиз он. Время есть, расскажу сейчас. Интересная судьба у парня. Лет двадцать пять назад в солнечный Таджикистан попал служить срочную, оленевод по профессии и ненец по национальности, Иван Хрущёв. Ненец, представляешь? Северные народы почти все русские имена и фамилии носят. И вот служил этот оленевод Ваня, служил, а на последнем году службы возьми, да и влюбись в местную таджичку. Она в их части в прачечной работала. И не смотря на разницу в возрасте, она лет на десять была старше, любовь их нашла и уложила на ворох только что постиранного солдатского белья. И так они видно старались, что свадьбу, рождение сына и дембель ефрейтора-оленевода Вани Хрущёва отметили практически за одним столом. Родившегося пацанчика назвали Али, чтобы хоть как-то наладить контакт с азиатской роднёй.

– Шустрый оленевод! – порадовался я за малые народы севера.

– Переехали молодые жить в маленький кишлак на границе с Афганом. Ваня устроился в колхоз по специальности. Пас там кого-то. Прошел год и тут получает Ваня письмо из-за полярного круга. Неизвестно, что там написали ему ненецкие родственники, но захандрил, затосковал оленевод по олешкам, цветущему в бескрайней тундре ягелю, по родной яранге и строганинке. Собрал он свои нехитрые солдатские пожитки, эмалированные значки, которыми его Родина наградила, и рванул на север, пока жена в магазин ходила. Доехал он туда – не доехал, никто не знает. Да, никто и не искал.

– Понятное дело. А дальше то, что было?

– Через пятнадцать лет кишлак, в котором жил Али Иванович Хрущёв со своей мамкой, контрабандисты сожгли весь, а жителей вырезали. За то, что те сдали пограничникам и ментам местным схрон с наркотой. Тогда многим пограничным и милицейским начальникам звания повысили, премии выписали. Про кишлак только никто не подумал. Хоронили всех быстро, в одной могилке. О тех событиях только в архивах КГБ что-то можно найти.

– А наш Хрущёв, что?

– В живых остались четверо детишек, их в ночь расправы дома не было, в интернате жили. Трёх младших родственники разобрали, а Али Хрущёву через некоторое время повестку в военкомате вручили. А дальше ты знаешь.

– Сложная биография у парня, – согласился я.

– Вот такие дела, брат. Пока, Гвоздь. Меня к начштаба вызывают, – закончил свой интересный монолог Белый.

– Давай, Белый! Спасибо за толмача. А я в санчасть, своих проведу, – попрощался я.

Через неделю я принимал зачёты по тактике и стрельбе из личного оружия. А также, смеха ради, по рукопашному бою. Вместе со всеми сдавал зачёты и прапорщик Хрущёв Али Иванович. Надо честно сказать, что отстрелялся прапор зачётно, где-то на очень твёрдую «троечку». Кровь предков не опозорил. Боцман покровительственно хлопал его по плечу, от чего Хрущёв неестественно приседал и зажмурился и без того раскосые глаза. А вот с тактикой и рукопашкой дела шли не очень. Терялся парень. Куда бежать, чего делать? Не то, чтобы он производил впечатление совсем уж беззащитного, но было понятно, что в серьёзном деле оленевода нужно держать за своей спиной. А, если дело дойдёт до рукопашки... лучше бежать.

Понедельник или выговор

Вызвали в штаб. Срочно, немедленно и быстро! Из Кабула пришла новая директива. Собрали всех командиров боевых подразделений. Начальников из политотдела специально не вызывали, но они как-то сами просочились. Пришли и, вежливо «выкая» направо и налево, важно и многозначительно делились между собой последними результатами прошедшего Пленума ЦК. Суровые особисты бряцали медальками на идеально отглаженной форме, прохаживались, заложив руки за спину и, на всякий случай, подозрительно посматривали на окружающих. От их новеньких портупей вкусно пахло кожей. Вызванные командиры оперативных групп, командиры рот и комбаты, со своими начальниками штабов и замками, стояли отдельной выцветшей светло-песочной массовкой. От них стойко и патриотично пахло «Беломором» и одеколоном «Шипр» и «Русский лес». На главные роли мы не претендовали. Смешно было смотреть, как кабинетные вояки трут животами карты, елозят карандашиками и штангенциркулями по координатам и что-то доказывают нашим боевым полковникам. Комбригу и начштаба бригады. Те слушали, зевали в прокуренные ладони, а Батя даже один раз матюгнулся в сторону и показал нам кулак. Это чтоб не расслаблялись, черти! Солдаты из роты обеспечения занесли длинные лавки и расставили в ряды. Кто-то из полковников махнул рукой, и народ с грохотом начал занимать места, стараясь спрятаться за широкими талиями и покатыми плечами политработников.

Мы со Зверем сидели на предпоследнем ряду и старались не мешать играть в войнушку дядькам с жирными просветами на погончиках. Мы шептались о своём. Обсуждали брать или не брать на предстоящую операцию трофейный китайский 60 миллиметровый миномёт. Ах, да! Зверь – это капитан Зверев Олежка, мой зам. Воспитанный, вскормленный и взрощенный мной из «зелёных» летёх. Уроженец славного русского города Брянска. Жилистый, белобрысый и злой. А такой и должен быть мой зам. Я ж добрый. Да и фамилия у него для этого случая подходящая. На совещании нас, полевых практиков, интересовали три главных вопроса. Цель? Где? Задача? Остальное доработаем на месте. И так было всегда, но у войны и у её теоретиков свои правила игры.

Задача в принципе была ясна. Командованием принято решение: на участках ущелья Редхва, прилегающих к озеру Дюфферен, выставить несколько засад. Засады в этих районах держать на постоянной основе до их «засветки». Если такое случается, группа скрытно переходит на другое оговоренное место. Группы в засаде находятся от недели до десяти дней, после чего происходит ротация. Засады находятся на расстоянии 2-2,5 часового перехода друг от друга. Вертолётные группы на постоянном дежурстве с временем подлёта максимум 30-40 минут. Приказано на мелкие группы до 10 человек, передвигающиеся в сторону границы с Пакистаном, не реагировать, чтобы не раскрывать место засады.

Цель: блокировать и уничтожать гружёные караваны и их сопровождение. А также вооружённые группы душманов, идущие в нашем направлении. Шли они организованно из Пакистана после полугодовой подготовки в лагерях, где их натаскивали американские рейнджеры. Судя по изменившейся тактике боестолкновений и современному вооружению, натаскивали их добросовестно. Караваны из Пакистана везли не только вооружение и боеприпасы. Попадались и чисто «медицинские», «продуктовые» и «промтоварные» караваны. Их мы называли «коммерческими». Конечно, и сопровождение, и охрана у них были разными. «Жирные» караваны могли сопровождать до двухсот хорошо вооружённых и обученных тактике ведения боевых действий моджахедов. Иногда такое случалось, что из-за искажённой информации «охотники за караванами» попадали в затруднительные и даже в смертельно опасные ситуации. Бывало, что «охотники» и «мишени» менялись местами. И тогда приходилось срочно «делать ноги» от таких караванов, где соотношение сил оказывалось многократно не в нашу пользу. И здесь

большая надежда была на информацию разведки и местной агентуры. Которая, впрочем, почти всегда работала и «на наших» и «на ваших».

Выход нашей оперативной группы специального назначения перенесён на послезавтра. Хотели на завтра..., но завтра – понедельник и Боцман записывал.

– Вплоть до расстрела! В понедельник не пойду и вас не пущу! – орал бывший морпех, страшно вращая белками, почему-то держа за шиворот Али Ивановича, – ни один корабль, ни один баркас в море в понедельник не выходит. Нельзя, Васильич, ты ж знаешь!

Интересно то, что те, кто эту ересь слышал, молча стояли и кивали в знак согласия своими коротко стриженными головами. Никто в понедельник выходить на операцию не хотел, хоть расстрельную команду вызывай. После таких объяснений и сам суеверным станешь и других заразишь. Пришлось звонить в штаб и придурковатым голосом объясняться с замначштаба.

– Никак нет, тыщ подпол... Есть, тыщ подполковник! Не готовы... Будем готовы... Приму... Как, что? Меры приму! Не надо трибунала. А выговор за что? Так я ж объясняю... А вот про маму не понял? Теперь понял, тыщ подпо... пи... пи... пи... пи...

В понедельник спали до обеда, а после обеда начались сборы. Сапёры собирали свои игрушки, аккуратно раскладывая их по ранцам и ящикам, безуспешно пытаясь подбросить кому-нибудь в рюкзак пару «вот поддержи, она не тяжёлая» мин. Снайпер Зелёный (позывной) раскидал на одеяле свою СВД (снайперская винтовка) и любовно протирал то, что блестит и нежно смазывал то, что сопрягается. Он дышал на линзы оптики, нежно протирая её мягкой фланелькой, потом смотрел через оптику на окружающих и окружающие показывали ему... без стыда и совести. А остальной личный состав забивал рюкзаки консервами и боеприпасами. Шутка? – Минимум неделю без горячего. Давиться жиром говяжьей тушёнкой, пропихивая его сухими и колючими, как рашпиль, галетами. Идём не полным составом. Двое наших прапоров (Китаец и Красный) в санчасти.

– Пряники жрут, салаги, – ревновал их к медсёстрам Боцман.

Оба «поймали» осколки от своей же мины во время последней охоты. Бывает и такое. Ничего, железки из них в основном повытаскивали, а те, что не достали, сами выйдут. Но пока мы без них, а это значит – нет одного снайпера и нет главного нашего миномётчика. Вот тебе и ответ на вопрос – брать китайский миномёт или нет.

Ждать или догонять?

В пять утра загрузились в два борта. По горизонту небо начало светлеть, проявляя чёрно-белые изображения далёких горных вершин. Но эта красота никого не интересовала. Привыкли. Мало кто по-настоящему спал, но практически все сидели с закрытыми глазами. Досыпали. Один только техник вертолёта – Колян, иногда позвякивал каким-то железом в хвостовой части машины. Скрипнула калитка пилотской кабины, в десантный отсек вывалился штурман Володя и, улыбнувшись, сказал:

– Подъём, бродяги! Васильич, готовность три минуты.

Парни, как по команде, начали шевелиться, потягиваться, не открывая глаз, искать руками лямки ранцев и ремни АКСов. В иллюминатор увидел, как на снижение пошла вторая «восьмёрка» (МИ-8). Высадка прошла штатно. По традиции присели перекурить. Курили, молча, глядя, как обе вертушки, поднимая два столба пыли и закручивая в свои «торнадо» мячики перекатиполя, медленно поднимались вверх. От точки высадки до места, установленной штабистами засады, – 5,5 километров. Нагрузились и пошли. Тяжеловато.

– Сразу чувствуется, что двух ишаков не хватает, – мудро изрёк Боцман, имея ввиду «жующих пряники» в санчасти, раненых прапоров.

Облегчившись, вертушки весело понесли по пять минут назад утверждённому плану. А план у меня был такой. Вертолёты должны были таким стадом толстых коров на малой высоте, ревя двигунами и набирая скорость, пронестись по ущелью в визуальной близости кишлака. А потом, наводя шорох и привлекая внимание, уйти в сторону и километров через 7-8 демонстративно зависнуть минуты на три. Кто надо это обязательно увидит и кому надо обязательно стуканёт. А кому это всё в масть? Нам, пешеходам бедолажным!

Вышедшие двадцать минут назад дозором наши Зелёный и Донец сообщили по рации, что всё чисто, можно прибавить темп. По утреннему холодку идти было приятно, но тяжело. И почему-то всё время в горку. Невольно вспоминалось красивое название озера. Дюфферен! А вот интересно, караси в этом озере водятся? Может, удастся искупаться хотя бы ночью? Голяком. Интересно устроен человеческий мозг. О чём угодно, об утреннем холодке, озёрах, карасях в сметане, ночных голозадых купаниях, только не об этой «тонне» железа в ранце за спиной. Одно полушарие мозга вроде отвлекается, а второе говорит: «Шевелите лапами, дядя! Щаз сделают тебе бородатые бабаи и карасей в сметане и утку с яблоками в заднице!» Останавливаю движение и, сверяясь с картой, объявляю:

– Так. Пришли. Смотрим время. Время на переходе 3 часа 5 минут. Неплохо, пешеходы, неплохо. Боцман! Трое в дозор. Зелёного повыше. Офицеры, ко мне, остальным военным отдыхать, – бодренько сиплю я из-за недостатка слюны во рту.

Подволокли ноги Зверь и Шуба. Это мои, так сказать, господа офицеры. У старшего лейтенанта Шубина был самый толстый и тяжёлый ранец в группе. И не смотря на это, он вечно кому-то помогал, что-то волок на своих широченных плечах и не жаловался на трудности. Зверев тоже не жаловался, но никому не помогал, а наоборот, гнал всех впереди себя, замыкая колонну. Боцман сделал шаг в сторону, и я увидел прапорщика Хрущёва с красным от напряжения лицом, стоявшего за ним. Сбросив ранец, Боцман побежал расставлять дозоры, а за ним, тяжело топая берцами, покатился и Али Иванович. «Это хорошо, что на коротком поводке у Гриши пограничник-оленеvod!» – подумал я.

– Слушаю мнения о позиции, – шмыгаю носом в сторону Зверя, надеясь на объективность.

– Говно позиция, – как положено зло и объективно говорит Зверь, сплёвывая рыжую от пыли слюну.

– Говно, – задорным эхом повторяет Шуба, сморкаясь тем же цветом.

Всплёскиваю руками и с укором смотрю на своих борзых господ офицеров. Спланированное штабными теоретиками место засады и правда никуда не годится. По склону горы – большая осыпь, причём камнями мелкой фракции. Ни укрыться, не замаскироваться, как следует. Кстати, если объективно, то о ней штабные могли и не знать. А широкая дорога и пологий спуск обочины, предполагает один из вариантов укрытия для моджахедов. Скатился с дороги и хоть живи там! Нет, рисковать я своими пацанами не буду.

– Ай-яй-яй! Штабные дядьки глазоньки не сомкнули, по картам пузиками ползали! Уже медальки друг другу на животики примеряли в счет будущих заслуг. А вы? Разгильдяи привередливые! Значит так. Привал пятнадцать минут. Отдыхать, оправляться, белы ноженьки мыть. А потом искать засидку будем.

Это было моей фишкой. На каждом большом привале длинных переходов заставлял своих бойцов ополаскивать ступни ног из фляг холодной водой, одевать чистые носки или мотать свежие портянки. Эффект был! Спадала отёчность и «отливала дурная кровь». Этот бесценный опыт мне привили ещё с курсантских времён наши инструктора по физической подготовке, вбивая в нас своими железными кулачищами азы военно-полевых правил и законов.

Часа через полтора нашли мы место, подходящее для засады. Небольшое совещание и народ разбежался зарываться, прятаться, маскироваться и «вить себе гнёзда» из булыжников и колючек. Навьюченные больше всех сапёры начали свою хитрую работу. Выделили им в помощь трёх бойцов для оперативности. Пацаны прыгали с камня на камень, как горные архары по верхней гряде, устанавливая мины-ловушки, растяжки, закольцовывая заградительный периметр. Ползали на пузе по тропам, маскируя контактные мины. Рисовали одни им понятные схемы минирования. Работу парни знали, и я их старался беречь и баловать. Скупым отеческим словом. Типа:

– Ма-ла-цы!

Свою СВД Красный брат запретил, пока он в больничке. Со спецом не поспоришь, я его понимаю, после чужих рук неделю пристреливать придётся. Из «резервного фонда» (трофей) достали свежую СВДешку. Без второго снайпера совсем не тот расклад, нарушается схема боевого порядка. Поэтому Шуба на время стал Красным. Этот парень мог заменить практически любого военного спеца. Как-то ради хохмы спросил его:

– А вертушкой сможешь управлять, Андрюха?

А он репу почесал и отвечает:

– Да, принцип то я знаю. Потренироваться надо. Я ж до училища Лётную школу закончил при ДОСААФе, 142 часа налёта имею на ЯК-52. Хотел в Чкаловское поступать, а Зверь в Рязанку сманил.

Объясню по поводу «разноцветных» позывных у наших снайперов. В группе два снайпера. Красный и Зелёный. Красный занимает позицию слева от предполагаемого движения противника, Зелёный – справа. Команды получают от командира или старшего по портативным радиостанциям. Всё просто. Шуба со своими людьми вошел в группу Зверя, которая заняла позиции на другой стороне ущелья вдоль основной тропы.

Пообедали, чем бог послал и начпрод выделил. Пока охотно. Два раза обошел все позиции. После первого раза повешал оплеух и подзатыльников...

– Учишь вас, учишь...

Во второй раз... так закопались, что двоих пропустил. Не заметил. Поржали, конечно. Боец, наверное, весь мусор в округе собрал и на свою маскировочную сетку набросал. Очень реалистичная мусорка получилась. Конечно, похвалил бойца за находчивость.

– Ну, ты, Пятка, молодец! Прям, как индеец в засаде на ковбоев. Наверное, в отпуск хочешь? – шутил я со смыслом.

Я ж и говорю – шутил. Кто ж его отпустит доверчивого? Мы с Боцманом вдвоём воевать что ли останемся? А пацану приятно. В центре позиций «вил гнездо» радист. Для нас. Гнездо получилось удобное и с хорошим обзором. Оценил. В нём же и мне яйца высидывать неделю. Наврал и ему про отпуск. Понравилось, нужно взять на вооружение. Хотя какие отпуска? Выше всех аистом восседал Боцман со своим подопечным Али Ивановичем. Тот от него ни на шаг не отходил. Даже походка изменилась. Ходил, чуть сторбившись, на полусогнутых ногах. И изда- лека был похож на миниатюрную копию Боцмана. Бойцы втихаря над ними ржали, незаметно тыкая в их сторону чумазыми от патронов пальцами.

Прошли первые сутки. Тишина. Вторые сутки начались с того, что на нас сверху посы- пались камни. Мелкие, но много. Первая мысль: «Обошли, суки!» Ощетинились! Пронесло. Оказывается, метров 800 выше нас проходило стадо горных козлов. Зелёный жестами показал, что мог бы снять парочку рогатых на шашлычок. Но после того, как Боцман тоже жестами показал ему, что из него самого сделает мясное блюдо, интерес к белковому питанию поте- рялся. Третий день прошел в полусне. Разрешил спать днём по графику.

После обеда четвёртого дня наблюдали проход двух групп душманов в сторону пакистан- ской границы по 8 и 12 человек соответственно. Вооружение лёгкое и не у всех. С виду обыч- ные дехкане. Все молодые пацаны в худой одежке. Идут, спотыкаются, смотрят себе под ноги, а не по сторонам. Вояки, блин. Видно идут давно и издалека. Согласно инструкции, про- пустили всех, замечены небыли. На пятый день мелькнула мысль: «... через пару дней домой». Ближе к ночи вызывает сосед:

– Гвоздь, в твою сторону змейка. 40+6. Пасут 25. Багеты, через 10.

Сей бред означал, что в нашу сторону идёт караван из 40 ишаков и 6 верблюдов. Сопро- вождение 25 человек. Груз, предположительно, РПГ и выстрелы к ним. У нас будут утром.

– Тебя понял Рыба, у нас террариум готов, – ответил я, поняв, что завтра предстоит работа по специальности.

Через пару часов Боцман вернулся из обхода. Из-за его плеча, встав на цыпочки, выгля- дывало луноликое лицо прапорщика Хрущёва. Слегка припылённый камуфляж, капля пота на носу и АКС на груди, как у Боцмана, придавали ему вполне военный вид. Не хватало пока только охотничьего азарта в глазах и железной фиксы во рту, как у его наставника.

– Ждём! – хищно ощерился старший прапор, блеснув металлическим клыком.

Наша линия засады была растянута на 100-110 метров по обе стороны тропы, то есть караван должен был войти на всю свою длину в зону поражения. Напрягало то, что груз у моджахедов серьёзный. РПГ – не игрушка и не пукалка китайская. Если замешкаемся или что- то пойдёт не так и, хотя бы человек пять из сопровождения возьмут в руки гранатомёты, – мало не покажется. Посечёт железными и скальными осколками. А посему валить нужно всех и сразу.

Чужая разведка

Звёзд ещё не было видно, но где-то за высоким склоном горной вершины уже пробился матово белый лунный свет. И небольшие пятна снега, на теневых сторонах склонов, заиграли вдруг, заискрили, соскучившись по вниманию.

– Гвоздь, я Зелёный, приём, – чуть слышно выдали наушники портативной радиостанции.

– На связи, – ответил я, отлично понимая, что «просто поболтать» снайпер вызывать не будет.

– Чуть ниже нас идут три «духа». По всему – разведка. Идут очень осторожно, через каждые пятьдесят метров останавливаются и осматриваются в бинокли. Сейчас дистанция – пятьсот метров. Мои действия? – практически одним словом-скороговоркой выпалил Зелёный, видно не отрываясь от оптики своего прицела.

– Зелёный, держи на прицеле первого духа, вторым и третьим займутся. Стрелять по моей команде и наверняка. Как понял? – отдаю команду, быстро соображая, что делать с этими разведчиками.

Наверняка это разведка идущего каравана, о котором предупредил наш сосед Рыба. О, как начали воевать пастухи! А разведка то «глубокая». Караван, когда ещё пойдёт, только к утру ждём, а эти уже шарятся. Учат их пиндосы, учат себе на голову.

– Боцман, слышал? Скрытно продвигаешься к Донцу, он ближе всех к тропе. После того, как отработает по первому духу Зелёный, тихо берёте второго и третьего. Точнее мне нужен живым второй. Как понял, морячок?

– Уже вижу Донца. Сделаем в лучшем виде, командир, – уже прерывисто сопел Боцман, по-собачьи на четвереньках перебегая от камня к камню.

Больше всего я волновался за снайпера. Быстро темнело. Увидит ли в нужный момент цель? Такого чуда техники, как ночной прицел для СВД, мы ещё не видели, хотя запросы делали каждый месяц. Обещали в первую очередь! Мои снайпера на это зло ухмылялись, внятно матерились и открыли негласную охоту на «импортных» снайперов-инструкторов, «упакованных» по последнему слову.

– На месте. Басмачей видим. Дистанция – сто пятьдесят, – шипит в микрофон Боцман.

– Понял. У кого из басмачей видишь рацию? – тоже шиплю я.

– У второго, только что с кем-то калякал. Тебя понял, Васильич, его оставляем. Ждём Зелёного, – выговаривая каждую букву, шептал мне в наушники Боцман.

– Щёлкнешь, когда будут под вами, – кручу громкость рации на максимум, чтобы было слышно.

А дальше... А дальше целых десять минут ожидания. Стоят «духи»! Стоят и совещаются. Куда пойдут? Назад? Как там, Зелёный? Видит ещё хоть что-то? Молчит... Рация громко щёлкает... Ору в микрофон:

– Зелёный!!!

Дук! Хлесткий, одиночный выстрел СВД. Дук-дук-дук... – повторяет эхо, отбрасывая звук от горы к горе, от склона к склону, уходя за поворот. Всё стихло. Как они там? Охотнички! Через десять минут слышу звук осыпающихся камней и громкий голос Боцмана:

– Шевели копытами, потерпевший! Чего смотришь? Я тебя тащить не нанимался, вставай, вонючка!

По еле заметной в сумерках тропе шли трое. Впереди Донец с тремя автоматами за плечами, за ним шатаясь, бесконечно падая и воя от боли, шёл чернобородый дух в тёплой пакистанской куртке с капюшоном. А замыкал группу Боцман. В руках он держал наш родной

трофейный СКС (скорострельный карабин), прикладом которого подгонял пленного. У духа плетью болталась правая рука и из-под чёрной чалмы тонкой стружкой по шее текла кровь.

– Боцман, я же тебе говорил человеческим языком, – он живой нужен! – психанул я, встав во весь рост.

– Васильич, полуживой – тоже не мёртвый, – гоготнул этот костолом, – обученный оказался, падла. Вон смотри, – и боцман показал ровный, пропитанный кровью, длинный разрез на своей афганке от плеча до локтя, – пришлось руку вместе с ножиком того... отломать.

– Ладно, – успокоился я, – Донец, а что там с другими?

– Так всё нормально, командир. Первого Зелёный прямо в ухо... мы сначала с Боцманом и не поняли, куда он его... А потом увидели кровь из другого уха. А пока Боцман со вторым церемонился, я третьего успокоил. Вот автоматика китайские, даже по прикладам видно, что не родные «калаши». А СКС – наш, выпуска 1943 года ещё, грех было оставлять. А на Боцмана не ругайтесь, Васильич. Басмач говорящий и рация в целости и сохранности. Он вам за обезболивающий укол что хошь расскажет и сделает, – спокойно так, рассудительно доложил прапорщик Донцов. Вот попробуй, не зауважай его после этого.

– И ничего я не церемонился, – вдруг начал возмущаться Боцман, за шиворот затаскивая духа в моё «гнездо», – говорю ж, обученный попался, собака. Ну, что? Али Ивановича звать?

– Зови, Гриша, конечно, зови, – приготовился я «чинить» допрос с пристрастием, доставая из аптечки шприц-тюбик промедола, – надеюсь, тех двоих похоронили?

– Как учили, командир. Правда, без оркестра, – мрачно ответил Донец, выгружая в нишу под скалой «вязанку военного железа».

Увидев в моих руках обезболивающее и, поняв, что я здесь тот, кто принимает решение, басмач что-то быстро заговорил, не сводя измученного взгляда со шприца. Через несколько минут Боцман привёл Хрущёва и, как-то по-детски улыбнувшись, сказал:

– Командир, я Хрущёву позывной придумал. «Али-баба»! И на ухо хорошо ложится и не обидный. И Али не против. Скажи, Али?

– Ну да. Не против, – улыбнулся прапорщик Хрущёв.

– Али-баба так Али-баба, – согласился и я, увидев, как все по-доброму заулыбались.

Один только дух, непонимающе смотрел на нас, морщась от боли. Я подозвал поближе Хрущёва и сказал:

– Али, я сейчас...

– Командир, Али-баба, мы ж договаривались, – перебил меня Боцман.

– Ну да! Али-баба, мы сейчас начнём допрашивать этого бабая, а ты постарайся перевести нам, как можно точнее всю информацию.

– Я понял, товарищ майор. Я всё сделаю, – с готовностью студента-первокурсника ответил Али-баба.

– Скажи ему, что мы знаем, что они – разведчики каравана с грузом РПГ (реактивные противотанковые гранатомёты), который будет здесь утром. Спроси о количестве охраны и куда караван идёт?

Али-баба начал переводить, но моджахед постоянно хватал его за руки своей уцелевшей левой рукой и перебивал, что-то крича и мотая головой. Прапор повернул ко мне недоумённое лицо и растерянно сказал:

– Товарищ командир, Ахмет, так его зовут, сказал, что пока ему не сделают перевязку и не уколят промедол, он ничего не скажет.

Помолчав, Али-баба добавил:

– Вы просили переводить точнее... он сказал, что этим русским собакам он ничего не скажет.

Боцман тяжело вздохнул, молча, не торопясь отстегнул от своего ранца в палец толщиной капроновый фал и начал медленно, как на конкурсе морских узлов, вязать «испанскую удавку».

Мы молча, с деланным безразличием, курили, давно зная концовку этого фокуса. И только две пары глаз, почему-то с одинаковым ужасом, наблюдали за руками Боцмана. Это были глаза Ахмета, потому что он понимал, что это предназначено ему. И глаза Али-бабы, потому что он пока всё воспринимал за чистую монету. «Испанка» получилась красивой. Ровная такая, симметричная. Ну, прям, как в фильмах про ковбоев и индейцев. Боцман ещё раза три затянул её с разными усилиями перед мордой душмана. Удавка ещё не нашла шею «своего героя», а Ахмет уже что-то кричал, страшно вращая белками глаз и еле ворочая пересохшим языком.

– Командир, не надо! – закричал Али-баба, – он всё расскажет. Всё!

– Удивительно, как все они верёвки боятся. Переводи Али-баба, – приказал я, – сколько охраны, куда идёт караван и когда связь с караваном?

Хрущёв успокоился, поняв, что инсценировка с удавкой – просто давление на психику. Оказалось, что вместе с ними, с разведчиками, охрана каравана – 29 человек. Караван ведут в соседнюю провинцию. Там его встречают, делят на три группы и оружие поставляют полевым командирам, заплатившим за него зелёными камешками, то есть изумрудами. А связь у него скоро, но он не знает когда точно, потому что у него отобрали часы.

Боцман что-то зло буркнул, нехотя полез во внутренний карман афганки, достал китайскую подделку часов «Rolex» и показал Ахмету циферблат. Ахмет посмотрел на уже не свои часы, кивнул и сказал через переводчика:

– Слава Аллаху, успели. Связь через семь минут.

Я укоризненно посмотрел на Боцмана. Понятное дело, боевые трофеи ещё никто не отмечал, но иногда и думать надо. Приближался очередной важный этап нашей операции. Дезинформация называется. Отработать её нужно было аккуратно и умно. Отозвав нашего переводчика в сторону, я постарался доходчиво объяснить ему ситуацию:

– Слушай меня внимательно, Али-баба! Сейчас от тебя зависят жизни наших парней. Объясняю. Наша с тобой задача, чтобы «духи» поверили в дезу, которую мы с тобой будем им втюхивать через твоего друга Ахмета.

– Товарищ командир, он не мой...

– Дальше слушать, прапор! – гаркнул я так, что от неожиданности Боцман затянул свой узел на шее у Ахмета, – переводить чётко, ясно и зло. Понял меня? Мы будем стрелять в них, а они будут стрелять в нас. Наша цель – победить! И без соплей мне! Ты меня понял, военный?

Али-баба кивал своим круглым лицом после каждого знака препинания, а после крайнего вопроса даже зачем-то отдал честь. Краем глаза я заметил, как довольнo ухмыляется Боцман. По-моему даже подмигнул Донцу, негодяй! Типа: «Чья школа!» Неожиданно зашипела импортная рация. Нас вызывали. То есть вызывали Ахмета. Басурманин понимал, от чего зависит его судьба. А, как тут не понять с петлёй на шее и стволом, приставленным к животу? Подошёл Али-баба с очень суровым выражением лица, от чего его глаза вообще превратились в два узких пунктира. Он что-то сказал Ахмету и тот, поёжившись, кивнул своей бритой головой. А суть диалога была, согласно переводу, примерно такой:

– Ахмет, как у вас обстановка?

– Хвала Всевышнему, у нас всё тихо, уважаемый Усман Хан.

– Позови Селима, с ним хочет поговорить брат.

– Не могу позвать. Я послал Селима вперёд, проверить верхнюю тропу, а Рашид проверяет обочину дороги. Растяжек нет. Извините командир, дольше говорить не могу, аккумулятор садится.

– Ахмет, дальше второго поворота не ходите, ждите нас. Там тихое место. Привал сделаем, плов покушаем.

– Слушаюсь, мой командир.

Пока шёл этот недолгий диалог, узел удавки то затягивался, когда все слушали перевод слов Усман Хана, то чуть ослаблялся, когда нужно было говорить Ахмету. От внутреннего

напряжения пот тѣк с него ручьѣм, капая на ствол ручного пулемѣта Донца, упирающагося в волосатый живот басмача. Даже Боцман расчувствовался. Он снял с ремня свою флягу и жестами показал Ахмету, что он должен запрокинуть голову и открыть рот. Тот с благодарностью кивнул головой, запрокинул её, обозначив зубастую воронку среди кустистых зарослей бороды. Но я-то заметил, как недобро прищурились хитрющие глаза Боцмана, как зло блеснула на солнце с утра надраенная зубным порошком «Мятный» железная фикса на правом клыкѣ старшего прапорщика. По моим подсѣтам, влило было грамм пятьдесят – семьдесят, а глотков сделано два... Теперь о том, что во фляге Боцман носит чистый этиловый спирт, выменянный на сгущёнку в санчасти, знали уже и моджахеды.

А уже через пятнадцать минут старший прапорщик Советской армии Боцман и лютей враг товарища Бабрака Кармалѣ моджахед Ахмет сидели в обнимку. Они пили спирт, закусывая его американской тушенкой «Буффало» и пели легендарную и несокрушимую «Катюшу». Без акцента! Да шучу я, шучу!!!

– Ты, Али-баба, пойми, – наставлял Хрущёва неугомонный Боцман, – попадись ты этому Ахметке в лапы, он же тебя не пожалеет и орать: «Командир, не надо!» будет некому. Всю обойму в живот выпустит, а потом ещё и горло перережет, падла. У нас с тобой и так «гнездо» – ноги не вытянуть, а тут ещё эту сволочь где-то прятать надо.

Через десять минут, порядком окосевший душманский разведчик Ахмет уже лежал связанный на позиции, ответственного за него, прапорщика Хрущёва Али Ивановича. Раненый, пьяный и живой. Он что-то бормотал бессвязно, дрыгал связанными ногами, даже улыбнулся пару раз Али-бабе. Потом затих, обоссался и уснул. Мы с Боцманом ещё раз, на ночь глядя, быстренько обошли наши позиции по обе стороны дороги. На «быстренько» у нас ушло часа полтора. Вернувшись, Боцман укрылся плащ-палаткой и нагрел на спиртовке наш ужин. На всякий случай, флягу со спиртом я у него отобрал ещё после пьяных воплей Ахмета, пообещав вернуть на обратном пути в вертушке.

– А ты знаешь, старина. Наши-то научились консервы делать. Вкусно, однако! – блаженно потягиваясь, сказал я Боцману после ужина.

– Ага, научились, – согласился Боцман, скребя алюминиевой ложкой по дну котелка, – только вот, если бы я в эту кашу с говядиной банку американской тушёнки не добавил, хрен бы они научились!

Вот, как так можно? Взял и испортил на ночь глядя всё впечатление о пищевой промышленности нашей могучей Родины. Опять эти пиндосы... Вот как их любить после этого?

Утро наступало медленно. Стрелки часов указывали на «подъѣм» и скорый завтрак, а темень не отступала. Где ты, солнышко? За гору зацепилось? Пора бы уже... Что значит горы. На той стороне склона уже утро, солнышко и припекать начинает, а у нас пока сумерки и холодрыга.

Что-то цокнуло. Звук похожий на медленное биение ложки о края эмалированной кружки. Прекратился. Видно что-то болталось, закрепили. Скосил глаза вправо. В двух шагах от меня скорчился радист – младший сержант Кореш (позывной). Он сидел вполоборота, развернувшись в сторону тропы с широко открытыми глазами и ртом. Слушал. Поймал себя на том, что тоже слушаю с открытым ртом. Интересно. Казалось, всё моё костлявое, почти неделю не мытое, в трёх местах загорелое тело превратилось в эхо-локатор.

И тут на тебе! Первый луч, как остро отточенный десантный нож, вошел в белое сало утреннего тумана. Чѣрт! Кто так пишет? Захотелось... с чесночком... и чѣрным хлебушком.

Туман есть, а росы нет. Странное дело. Всё здесь по-другому... не по-нашему.

«Добро пожаловать» в террариум

По спине хлопает небольшой камешек. От неожиданности снимаю «калаш» с предохранителя. Испугал, собака. Оборачиваюсь. Тяжело дыша, приближается чёрная рожа Боцмана. Дышит в ухо и поворачивает мою голову чуть левее. Вижу. Метров 800... Не по тропе, а слева от неё. Мин бояться? Так мы и на обочине ставим... Чёрные силуэты выходят на прямую видимость. Один за другим, почти без звука. Идут плотно. Первый ишак чуть впереди, с ним, немного возвышаясь над головой ушастого, мальчишка подросток. Последними идут верблюды. Колонна, мерно покачиваясь, вползает в ущелье. Охрана идёт группами по три – четыре человека. Идут уверенно, видно надеются на информацию своей разведки. Сверху очень похоже на длинную змею, ползущую задом наперёд. В самом ущелье караван вынужден выйти на основную тропу. Проход узкий. Видно, что ишаки очень устали. Головы и уши вниз. Навьючили по максимуму. Где-то здесь вам обещали привал и жирный плов, значит, позиции мы выбрали правильные. Ну, здравствуйте, гости дорогие!

У самой тропы, в начале наших огневых позиций, Боцман воткнул срубленный зелёный куст, а на большой валун положил приметный белый камень. Это наши ориентиры. Чуть дальше, метров в пяти, на тропе сапёры прикопали пару ПМНок (противопехотная мина нажимного действия). Это «конечная остановка».

Авангард каравана поравнялся с нами. Смотрю на радиста. Тот медленно закрыл рот и глаза. А глаза зачем? На «папу» надеешься? Дурко. Рассматриваю в бинокль моджахедов, идущих впереди каравана. Самый первый идёт пацанёнок лет 10-12 на вид, тянет на накрученной вокруг руки верёвке часто переступающего копытцами ишака. «Не понятно кто к кому привязан?» – подумал я. Мальчишка шаркает по щебню тропы стоптанными, размера на три – четыре больше, кроссовками без шнурков. Это чтобы не убежал, что ли? Одет в старый засаленный халат, подпоясанный такой же верёвкой, на какой ведёт ишачка. На голове чалма не чалма... накрученная грязная тряпка. В свободной руке кусок сухой лепёшки. Ест. Иногда перепадает и ушастому приятелю. Ишак тянет за лепёшкой морду, от возбуждения раздувая ноздри и прижимая к шее длинные уши. Так и идут себе...

Они идут, оторвавшись от основной группы вперёд, метров на двадцать пять. Обращаю внимание, что в сумках на спине ишака большие полупрозрачные пластиковые канистры, в которых болтается, раскачивая ишака, мутная вода. Видимо водовоз, оружия нет. В голове основного каравана двое душманов с «калашами» на сгибе локтя. Похоже командиры. Внимательно смотрят по сторонам, у одного из них бинокль. Осматриваются, придерживая ишаков основной колонны, соблюдая дистанцию с «водовозом». Наверняка осторожничают в связи с потерей связи со своей разведкой.

– Сапёр... – горячо выдохнул мне в ухо Боцман, капая мне за воротник потом.

Согласно киваю. Душманы туповатые и неусидчивые к обучению, поэтому профессионально работающих сапёров у них было мало. Хотя миноискателей различного профиля производства США, Италии и Китая было много. Учились этому делу плохо или совсем не учились и действовали по-своему. Как сто лет назад. Гнали впереди караванов на миноопасных участках отару овец или связывали группой наших истерзанных пленных бойцов... А когда не было ни того, ни другого, ставили впереди каравана вот такого, ничего не подозревающего, камикадзе с лепёшкой в руке. Наши парни-сапёры ставили мины, выставляя нагрузку 23-25 кг. Хватало. «Несработок» практически не было.

Цок – цок... Ползёт караван. Цок – цок... Из выючных мешков, как иголки у ёжиков, торчат трубы РПГ. Цок – цок... Интересно, а чьего производства? Наши или Китай? Цок – цок... Лучше бы Китай, не так обидно. Ещё метров десять и вся эта верблюжье-ишачья кавалькада практически идеально зайдёт в наш «мешок для подарков».

Надо было сразу

Остановились. В чём дело? Засекли, мать твою...? Лежим мордой в камни... Смотрю в щель между валунами. Стоит первый мальчишка и смотрит на наш куст – ориентир. Ему что-то кричат из основной колонны. Он оборачивается и отвечает, показывая пальцем на куст. Беззвучно матерится Боцман, приваливаясь ко мне и закрывая лицо руками. Начинаю понимать, что воткнутый зелёный куст стоит уже четвёртый день, листья пожухли и поникли. А перед нашим приходом в горах два дня лил дождь. С каких это дел кустику сохнуть? Это и привлекло внимание внимательного мальчишки. Вот охламон! Это я о Боцмане. Надо срочно принимать решение. К первым душманам подходят ещё трое. Совещаются, настороженно вглядываясь в скалы. Смотрю в бинокль на Зелёного, тот в прицел СВД на меня. Жутковато. Поймёт? Приставляю две ладони выше своей головы, потом большим пальцем показываю вниз.

Понял! Через секунду выстрел снайпера почти слился со звонким щелчком подствольника Боцмана. Первый ишак упал на колени и ткнулся мордой в щебень. Мальчишка от рывка верёвки упал на него сверху. Граната из подствольника Боцмана разорвалась напрямик под ногами первой пятёрки, остальное «доделал» пулемётчик Зверь. И началось! Меня всегда удивляло, как быстро во время боя заканчивался первый рожок, и как бесконечно долго работал второй.

Слышал, как дико, по-звериному, орал, стреляя, встав почти в полный рост, Боцман. Видел, как горным архаром, с тремя бойцами скачет с камня на камень Зверь, преследуя удирающих «афганских львов», крича на бегу Шубе:

– Андрюха, прикрой!

Видел, как с грохотом разорвалась граната РПГ недалеко от позиции Донца. Заметил, как, почти не пригибаясь, в сторону разрыва метнулся, на ходу снимая сумку с красным крестом, наш фельдшер Гном. Я всё видел! Кроме одного. Я не видел, как поднялся с колен, что-то кричал и тянул за верёвку, пытаюсь поставить на ноги своего хрипящего на издыхании дружка ишачка мальчишка. А ещё я не видел, как поднялся из своего укрытия и начал спускаться вниз к мальчишке наш прапорщик Али Иванович.

Уже почти закончилась стрельба, только где-то в километре трепанули эхом две короткие очереди. Это Зверь поставил точку. Догнал, значит. Этот не упустит.

– Смотри, – толкнул я Боцмана.

– Али, стой! Стой, сволочь! – заорал Боцман во всю свою лужёную глотку.

Но тот не слушал, спускаясь к рыдающему мальцу. Ишак перестал хрипеть, его ноги вытянулись в агонии, шкура в последний раз натянулась на рёбрах от хриплого вздоха. Мальчишка в голос выл, размазывая слёзы, смешенные с дорожной пылью и серыми ворсинками шерсти ишака. К нему спускался Али и что-то быстро-быстро говорил на своём... Вдруг мальчишка замолчал, выпрямился, сунул правую руку под халат и достал пистолет ТТ. Ого! Али приостановился, медленно снял с шеи автомат и положил его на валун. Ни один мускул на лице не дрогнул у нашего Али-бабы. Только в эти щёлочки глаз разве заглянешь? Не увидеть, что там. Жалость, сострадание, боль? Мальчишка вытер нос грязным рукавом халата и направил пистолет в сторону нашего переводчика. Пистолет был тяжёлым, рука дёргалась и тряслась от напряжения. Хрущёв остановился метрах в десяти, но продолжал говорить что-то спокойным, убавкивающим голосом. Почувствовав движение слева, я жёстко сказал:

– Отставить, Боцман!

А тем временем Али продолжал что-то убеждённо говорить тихим голосом, улыбался и с поднятыми руками медленно приближался к маленькому проводнику. Мальчишка уже не плакал. Он со злобой и ненавистью смотрел в лицо нашего Али-бабы. Пистолет то поднимался на уровень головы прапорщика, то опускался вниз, к животу. Потом юный душман присел,

погладил на прощанье морду своего мёртвого вислоухого друга, всхлипнул и что-то громко крикнул в сторону нашего прапорщика.

Два одиночных пистолетных выстрела прозвучали так неожиданно и неуместно, что инстинкт самосохранения не успел дать команду моему мозгу на ответное действие. Медленно, с глухим стоном, откинувшись спиной к валуну и, держась руками за живот, оседал прапорщик Али Иванович Хрущёв, спиной оставляя жирный кровавый след на камне.

Через секунду, как при замедленной съёмке, разлетелась красными тряпками голова мальчишки. Одновременно отработали по цели Шуба и Зелёный.

Так они и лежали рядом. Прапорщик-пограничник, мальчишка-погонщик и ишак-неудачник. Их кровь, смешиваясь, быстро впитывалась в землю обочины. Они не были врагами.

– Надо было сразу, – не глядя в мою сторону, хрипло рявкнул Боцман, сбегая по камням вниз к Али.

– Надо было... – эхом отозвался я, шокированный произошедшим.

Спустя какое-то время, обсуждая этот печальный эпизод, мы пришли к выводу, что мальчишка стрелял не в русского врага, не в шурави. Он сделал так, как его учили старшие. Кровь за кровь. Он стрелял в того, кто убил его друга. Мстил! И слава Всевышнему, что у него это не получилось. Наш Али-баба выжил!

Группа по команде начала медленно спускаться вниз к каравану. Щёлкнул одиночный выстрел. Добили. Будем считать, что ишака. Из-за поворота показался Зверь с бойцами. Все живы, слава те... На верёвке тащили двух верблюдов. Скоротечный бой закончился. Смотрю на часы и понимаю, что мы пережили очередной эпизод из ада и длился эпизод всего 7 минут, 40 секунд. У нас с Боцманом это был седьмой караван!

На ходу крикнул:

– Осмотреться, командирам доложить!

Подошел Зверь. Жёстко спрашиваю:

– Зверь, ты в курсе, что по ходу ты чуть на свои же растяжки не влетел?

– Виноват. Азарт, чёрт бы его побрал! Услышал, как Шуба заорал и растяжку перепрыгнул, как олень. За метр увидел, – смутился капитан.

– Ну, ты даёшь, парень! Олень! Мы все вам орали! Ты же командир, о парнях своих думал, когда оленем скакал?

– Исправлюсь, Васильич. Победителей не судят, – хитро улыбнулся Зверь.

– «Духов» догнали? Пленные есть?

– Нет... в смысле догнать то догнали, но пленных нет, – мотнув головой, не глядя на меня ответил Зверь, – пойду своих посмотрю.

Подбежал Боцман, его лицо было чёрным от смеси пороховых газов, пота и пыли. В руках трофейный РПГ.

– Мэйд ин чина! – гоготнул он, блеснув фиксой, – но передрали один в один!

– Понятно! Как прапор? – спросил я, имея ввиду Хрущёва.

– Вкатили двойную дозу промедола. Успокоился, оленей в уме считает. Две пули в живот, обе на вылет. Пробита селезёнка. Вертушки летят? – вытирая пот, спросил Боцман.

– Жду докладов. Помогите Шубе и Зверю. Радиста ко мне, – на ходу бросил я, наблюдая, как Зелёный со Звоном за воротники халатов стаскивают в одно место «200-х» «духов».

Сюрпризы. Ишаки и трофеи

Бойцы снимали с ишаков и верблюдов груз у подготовленной для «пчёлки» площадки. Готовили к погрузке трофеи, а животных привязывали друг к другу и отгоняли в сторону. Опять заползали на брюхе сапёры, снимая свои смертоносные сюрпризы. На этот раз ни одна мина не сработала. Матерились от того, что их рюкзаки легче не стали. Сэкономили называется.

Недалеко на коленях, со связанными руками стояли пять духов, двое раненых лежали рядом. Пленные. В основном это те, кто после первых выстрелов тупо упали на землю мордой вниз. Они и выжили. Подбежал Зверь и, в сердцах пнув ишака, сказал:

– У нас потерь нет, 300-х двое, оба тяжёлые. Про Али знаешь, второй Донец. Голову осколками посекло, нос снесло под корень, кровью захлёбывается. Трофеев по весу где-то тонны три, может больше. В основном РПГ с выстрелами и немного жрачки. Пленных семь, из них двое тяжёлых. Думаю, не дотянут. Двухсотых духов 19, подобрали всех. Кажется, всё командир, – выдохнул Зверь.

– Добро. Дай команду животных за поворот отогнать. Ну, и сам знаешь. Скажу, чтобы с «пчёлки» пару канистр керосина дали сцедить. Пойду к раненым, – сказал я и двинулся в сторону плащ-палатки, развёрнутой над притихшими после обезболивающих доз наркотиков бойцов.

Под навесом из плащ-палатки тихо лежал перевязанный Али-баба. Молчал. Правду говорят – на всех промедол действует по разному. Рядом, облокотившись на валун, сидел Донец. Его изодранные руки держали два бойца, чтобы не мешал санитару делать перевязку. А сам санитар сидел на его ногах и превращал голову раненого в кокон.

– Гном, падла! – орал через окровавленные бинты Донец, – почему я ни хрена не вижу? Щёлочку то оставьте, уроды!

– Сто раз уже говорил, не могу ничего оставить! Повязка будет сползать, – «пеленая» Донца врал санитар.

– Гномик, хоть рот не заматывай. Я, как курить, по-твоему, буду? – продолжал настаивать Донец.

Рядом со мной басил радист, на ходу шифруя мой доклад на базу. «Пчёлка» нам пообещали через 20-25 минут. Закопченным демоном вдруг появился Боцман и доложил, что поднялся на скалу, насколько мог, движения нет. А оно нам и не надо! Запросился на связь сосед:

– Рыба, Гвоздь на связи, – отозвался я.

– Как отработали? Слышу, затихло, думаю, дай спрошу, может помощь нужна что-нибудь поделить? – радуя хорошим настроением, спросил сосед.

– Отработали штатно, как учили, жду «пчёлки». Могу десертом поделиться. Ориентир – дым. Одного ушастого оставлю, – отвечаю соседу.

– Спасибо, Гвоздь, подарки отбатрачу. Ушастого не надо, свой транспорт есть. Удачи.

– На связи.

Длинной очередью резанул РПК, за ним «затакали» два «калаша». Ишаков и верблюдов «мочат». Пожалуй, это было самым гнусным мероприятием в нашей смертельно опасной работе. После выгрузки караванных животных уничтожали. В самом начале афганской компании ишаков, верблюдов и мулов просто разгоняли. Жалели. Животные же. Потом поняли, что духи их отлавливают и используют по второму, третьему кругу, пока у тех копыта до колен не сотрутся.

Как правило, заставить кого-то из бойцов пустить пулю в лоб ишака было почти невозможно. Мальчишки, полчаса назад стоявшие на краю своей двадцатилетней жизни, напрочь отказывались стрелять в животных. У нас в команде негласно была установлена очередь, так

сказать похоронной эстафеты. И честно говорю, видел после этих экзекуций размазанные по мальчишеским щекам слёзы и бешенные взгляды в никуда. Но это так, мужики, между нами.

Подозвал Шубу. В его огромных ручищах даже СВД казалась игрушечной.

– Молодец военный, хорошо отработал. Дай команду двум бойцам вон из той пирамиды перенести два ящика сгущёнки и пак шоколада в район «жертвоприношения». Пусть замаскируют, но знак понятный оставят. Это соседям, им ещё торчать и торчать здесь, – сказал я, хлопнув Шубу по плечу.

– Есть, всё сделаем командир. Этикетку от банки на камень приклеим, – понимающе улыбнулся старлей.

Подготовка к эвакуации подходила к концу, когда Боцман, стоя на самом высоком валуне, сложив ладони рупором, заорал:

– Летят! «Восьмёрочки» летят!

К предполагаемой зоне посадки начали стягиваться бойцы, подносили раненых своих и чужих. Пинками подогнали пленных. Подлетели две «пчёлки». По моей просьбе сделали облёт зоны в радиусе 2,5-3 км, во избежание сюрпризов. Сказали «чисто». Я поверил, но трёх дозорных на самых высоких точках оставил.

«Восьмёрочки» на площадку уместились обе. Начали погрузку. У бойцов настроение приподнятое. Да, и понятно. Домой! Продырявленный Али Иванович не пискнул при погрузке в вертушку и даже пытался улыбнуться Боцману обескровленными губами.

– Виноват, подвёл вас, – тихо сказал Хрущёв.

– Кишки заштопают, поговорим, – как мог спокойно ответил Боцман.

Первыми загрузили раненых. Гном тут же воткнул в них системы. Али-Баба во время погрузки отключился и пребывал в бессознательном состоянии. Голова Донца была полностью перемотана бинтами, красными от пропитавшей их крови. Отверстие было только для рта, из которого он иногда сплёвывал сгустки крови и постоянно громко матерился, проклиная санитару Гнома, душманов, дружественную южную республику и проклятую ведьму тещу, которая послала его в Афган за квартирой.

– Отвоевался Ванёк. Точняк комиссуют. Куда теперь без носа? – вполголоса сказал боец вертолётному технику Колянчу.

– Хрен с ним, с носом... хрен главное! Ну и, конечно, глаза, – сочувственно ответил тот. Командир звена «пчёлка» подбежал ко мне с расчётами по весу загрузки.

– Командир! Всё не заберу, большой перегруз. У нас сейчас с этим строго. Давай так, если для вас груз принципиален, то оставляй несколько бойцов и часть трофеев. Мы на базу, я дозакрываюсь и через 3,5 часа заберу остальных.

– Согласен! Только после взлёта ещё раз район спиралькой облетим. Хочу быть уверенным, – ответил я «пчеловоду».

– Добро! – согласился тот.

Собрал своих господ-офицеров.

– Зверь, посчитай и оставь где-то тонны полторы груза. С тобой оставляю пятерых бойцов и радиста. Через 3-4 часа вас заберут. Ваш сосед Рыба будет в курсах. Не забудьте забрать канистры с керосином. Боцман, через семь минут жду доклад об окончании погрузки, – это были последние распоряжения перед взлётом.

Ровно через пять минут на борт вертушки был поднят последний ящик с выстрелами РПГ и загнан связанный бородатый дух. Обе «пчёлки», ревя как коровы на выданье, тяжело поднялись и с набором высоты начали запланированный облёт района. Вот она серо-чёрная пирамида из трупов ишаков, чуть ниже две туши верблюдов... Жаль скотинку. Полтора десятка пар глаз смотрят на скалы, тропы, расщелины и обрывы. Где ты, вражья нечисть?

Лица начали понемногу расслабляться только после того, как мы с командиром «пчёлки» кивнули друг – другу. Домой, значит! Связался со Зверем.

– Олег, как обстановка? Чем занимаетесь? – уже почти по-домашнему, спросил я.

– Всё в норме. Приглядываем. Поливаем маринадом шашлычок, – цинично пошутил Зверь.

– До связи, – успокоился я.

Перелёт проходил спокойно. Несмотря на рёв двигунов вертушки, мои парни почти все спали. Умаялись работяги. При подлёте к базе увидели, как на площадку выезжают три «Урала». Тентованный, бортовой и заправщик.

– Ты посмотри, как ты научился службу править, – удивился Шуба.

– Да, не то, что два года назад, – согласился Боцман.

– А вы, что уже два года здесь, товарищ старший прапорщик? – удивился боец.

– Живу я здесь, сынок! Мы с командиром местные! – хохотнул Боцман.

Сели очень удачно. Выгрузка началась одновременно с дозаправкой, хотя это было категорически запрещено. «Пчеловод» пошел на встречу, простимулированный ящиком американской тушёнки «Буйфало». Вытаскивать надо было ребят и чем быстрее, тем лучше.

Крытый «Урал» забрал моих парней и повёз по большому кругу. Оружейка, баня, столовая, казарма. Хотя очерёдность могла быть и другой. «Таблетка» с красными крестами загрузила своих и чужих раненых и, хрипя сигналом, бодро понеслась в сторону санчасти. К сожалению, во время перелёта один тяжелораненый «дух» скончался. А во время перевозки раненных наш Али Иванович и пленный Ахмет лежали на соседних «каталках». Пленных басмачей потащили, потирая руки, в свою норку особыты. Трофеями тоже занялись специально обученные кадры, вооружённые счётами, калькуляторами, протоколами и накладными. А за мной прислали УАЗик начштаба и я, прихватив с собой для компании Боцмана, поехал отчитываться и рапортовать о том, какие мы у Родины герои. А мы таки ими и были!

После штаба и оружейки, прихватив чистое бельишко, мы с Боцманом не спеша топали в баньку. Наши уже давно все помылись, объелись и занимались, кто чем хотел в границах отведённой территории и статьями Устава внутренней службы. Заглянули на Узел связи, и девчата нас успокоили. Борт с командой Зверя уже был на подлёте. Настроение было... как надо было настроение. Два дня отдыха, как прописали!

– Слышь, Боцман, а что ты так орал, как резанный, когда всё началось? – вдруг вспомнив, спросил я вполголоса.

– Да понимаешь, в самом начале боя выброшенная гильза рикошетом от скалы под тельник мой залетела. Горячая, бл... А времени её вытряхнуть, сам понимаешь... Так! Стоп!

Боцман остановился, расстегнул куртку, отстегнул свой флотский ремень, вытащил тельник из штанов и попрыгал. Выпала и весело зазвякала, бликуя на солнце, латунная гильза калибра 5,45 мм. Но уже не горячая, а остывшая до температуры тела старшего прапорщика.

– Так вот она, сука!!! – заорал Боцман, футболя «виновницу» новеньким кроссовком.

Давно мы так не смеялись!

Хорошо то, что хорошо кончается

Прошла сонная неделя. Мной написан и отправлен многостраничный Труд. Рапорт – отчёт. Написан он был с большим настроением и эмоциями. Всё, как просил меня постоянно подливавший, Боцман. Через день его из штаба бригады завернули с замечаниями и вопросами. А на последней странице подчерком замначштаба красным карандашиком мелко так и ехидненько написано: «Санёк, когда пишешь, закусывай!» Вот мудак!

Переписал. Посоветались со Зверем и решили, что особых подвигов и геройств мы не совершили. Операция проведена штатно. Но представление к наградам всё же написал. Прапорщиков Хрущёва и Донца на медаль «За Отвагу». Очень уважаемые у нас боевые награды. Приезжал сам начполит и перед строем объявил всем нам благодарность от командования за образцовое выполнение задания особой важности. Говорил долго и душевно. Пацаны сопели, тяжело вздыхали, с надеждой смотрели на часы, на меня и в сторону столовой. Дело в том, что сегодня пельмени обещали. Местная коровка на растяжку налетела. Хозяева её забирать побоялись, а наши нет. Ну и тут же давай из неё болезной пельмени лепить. А этот тут...

Заходили с Боцманом в его любимую санчасть. Али Хрущёва удачно прооперировали. Что-то удалили, что-то заштопали, влили бочку чужой крови и поставили в очередь на отправку и долечивание в Союз. Донца сразу на Большую Землю отправили. Лицо, в основном, в городе Ташкенте собрали и даже нос слепили кудесники наши из «того, что было». Очень даже симпатично получилось, правда, на все документы пришлось перефотографироваться. Не похож стал на себя любимого. Хорошо, что Донец перед Афганом успел жениться и сына родить так, что в этом плане мы за него были спокойны. А жена практически и не расстроилась. Он и так красавцем не был, привыкла быстро. Да и разнообразие, какое никакое. И потом, нос – не самый главный орган у мужчины. Ниже головы то всё сохранилось в лучшем виде, и было привычным, знакомым и любимым.

Забегая вперёд, скажу, что месяца через два, уже после отпуска домой, Донец вернулся к нам. Сам рапорт написал и даже требовал в отделе кадров, обещая напоить всех тёщиным самогоном. Сначала мужики его не узнали, но потом, превратив недоразумение в шутку, долго его тискали и мяли. Меня предупредили заранее, поэтому я сразу начал его тискать и радоваться его возвращению, что подняло прапору настроение и сподвигло поделиться с личным составом народными деликатесами с родины. Украинское сало ели в мусульманской стране, как пирожное. О самогоне не знаю. Так, только слухи... Запах? Так это из пекарни дрожжами...

На первом же оперативном совещании у начальника разведки бригады попросил откомандировать нам нового переводчика, ввиду убывшего на лечение товарища Хрущёва. Считаю, что реакция на мой запрос была не адекватной. Что значит: «... достал своими переводчиками...»? И что значит: «...на вас не напасёшься... и пора самому?»

А вот Али Иванович Хрущёв пропал после госпиталя. Слышал, комиссовали. Может, вернулся обратно в Таджикистан и поднимает сельское хозяйство? Но почему-то очень хочется верить, что позвали его в тундру узкоглазые ненецкие духи заполярных предков. Туда, где северное сияние, ягель, песцы и полярные куропатки! И гоняет он несчётные стада северных оленей по бескрайним просторам заснеженной тундры. И сидит весь такой в меховой кухлянке на быстрых нартах мой боевой товарищ – прапорщик Али Иванович Хрущёв. Погоняет олешек длинным дрыном, как я видел в документальном кино, позвякивая в такт копыт оленьей упряжки медалью «За Отвагу»! А слава о боевом прапорщике Али-бабе далеко разлетелась по стойбищам Ненецкого национального округа. О нём начнут слагать легенды, народные песни и петь их в чумах и ярангах хором под баян и балалайку.

Бог с нами, брат!

Афганский камень на душе

Успеть до заката

Мы возвращались. Возвращались все. В десантном отсеке БМП лежали трое «300-х». Успокаивало, что все ранения были средней тяжести и опасности для жизни нет. Парней порядочно растрясло, раны кровоточили, насквозь пропитывая бинты, тампоны и засаленные от пота афганки. Санитар Димка Гном вместе с ранеными дико материли механика-водителя, кидая в его сторону пустые гильзы и грозя начистить харю на первом же привале. Но, что было делать? БМП – не карета скорой помощи. Механик и так тарачил красные от пыли глаза, стараясь объезжать попадающиеся на дороге выбоины и большие камни. После окончания боевой операции, конечно же, вызвали «воздух» для эвакуации раненых, но помочь нам не смогли. Одну «дырявую» восьмёрку уже неделю латали после обстрела, а две других работали с десантом в удалённом районе, а мы были как бы внеплановые. Приняли решение везти раненых на «броню».

Четыре дня назад по оперативным данным в кишлак Кулаш, находящийся в зоне ответственности нашей военной базы, вошёл караван. Караван не простой, а хорошо охраняемый и со специфичным грузом. В кишлаке на короткий отдых был вынужден остановиться вооружённый конвой с двумя тяжело ранеными полевыми командирами. Пир Мухаммад и Ахмед Улла со своими отрядами «оппозиционеров», а по-нашему бандами, жирно наследили в этой провинции. А теперь вот направлялись на заслуженный отдых и лечение в дружественный не нам Пакистан. Но то ли ишакам решили дать отдохнуть перед последним горным переходом, то ли бабаям захотелось с семьями перед «санаториями» попрощаться... Вообще, решили на пару дней воспользоваться гостеприимством родового кишлака Ахмеда Уллы. Охрана была серьёзная и преданная своим командирам. Как правило, все являлись представителями одного родового клана. Со слов информатора, всего их было человек 45-50. Вооружены и подготовлены эти бородатые дядьки были очень даже неплохо. Во всяком случае, не часто среди трофеев нам попадались американские винтовки М-16. А тут штук пять насчитали. Хотя, конечно, наши «калаши» у басмачей были в приоритете.

Нашей спецгруппе была поставлена задача – физическое уничтожение этих полевых командиров. Так как наше командование считало, что вести с религиозными фанатиками какие-либо переговоры не имело никакого смысла. Работать мы должны были совместно со штурмовым батальоном дружественно настроенной к нам армии Демократической Республики Афганистан. Задачей которого было – блокирование кишлака Кулаш и его зачистка от бандитствующего элемента.

Свою задачу мы выполнили. И подтверждение тому лежало завернутое в два толстых ватных одеяла в десантном отсеке крайнего БТРа. А что дружественно настроенный батальон? Так остались зачищать соотечественников вверенного им кишлака. Как сказал Боцман:

– Глаза б мои на них не смотрели!

А что он хотел этим сказать, знает только он. В частности меня это мало интересовало. И вот сидим мы сейчас со старшим прапорщиком по обе стороны башни первой БМП, раскорячившись на броню, как препарированные лягушки. И каждую ямку, каждый бугорок этой треклятой дороги ощущаем своими деревянными задницами. В волосах, в глазах, во рту и даже в трусах – чешется, режет, мылится и слипается рыжая афганская пыль. Боцман, во время короткого привала, огорошил своими ботаническими познаниями:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.